

УДК 1(091):141.201

UDC 1(091):141.201

**ФОРМИРОВАНИЕ НООСФЕРНОГО
ПРОЕКТА СОЦИАЛЬНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ****FORMING NOOSPHERIC
PROJECT OF SOCIAL
TRANSFORMATIONS****А. В. Кузнецов,***кандидат философских наук, доцент;***В. В. Кузнецов,***кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных
дисциплин Белорусского государственного
педагогического университета
имени Максима Танка***A. Kuznetsov,***PhD in Philosophy, Associate Professor;***V. Kuznetsov,***PhD in Philosophy, Associate
Professor of the Department
of Social-Humanitarian Disciplines,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 31.03.23.

Received on 31.03.23.

В статье показана роль русской философии в процессе формирования ноосферного проекта социальных преобразований. Авторы рассмотрели эксклюзивное влияние немецкой философии XIX века на развитие русской общественной мысли. Это обстоятельство объясняется сходством социальных условий развития духовной жизни германских государств и Российской империи в первой половине XIX в. Но если интенсивность духовной жизни в Германии постепенно замедляется в связи с созданием германской империи и ростом национализма, то в России во второй половине XIX века происходит своеобразный культурный взрыв – появляется великая русская литература и оригинальная философская мысль в образе русского космизма.

Авторы приходят к выводу, что русский космизм в лице Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и ряда других мыслителей и ученых формирует проект ноосферы как социального единства общества, необходимого для превращения слепых сил природы в разумную силу человечества. Продолжая и углубляя идеи русского космизма, современные сторонники концепции ноосферы выдвигают основные принципы ноосферного проекта социальных преобразований. К этим принципам относятся идеи глобальной социальной демократии, диалога культур, экологического императива и борьбы с Западом как альянсом стран, который старается сохранить свою гегемонию и преимущества в глобальном масштабе.

Ключевые слова: ноосфера, немецкая классическая философия, марксизм, русский космизм, западный альянс, глобальная социальная демократия, диалог культур, экологический императив, социальные силы альтерглобализма.

The article shows the role of Russian philosophy in the process of forming the noosphere project of social transformation. The authors considered the exclusive influence of 19th century German philosophy on the development of Russian social thought. This circumstance can be explained by the similarity of the social conditions of the development of spiritual life of the German states and the Russian Empire in the first half of the 19th century. But if the intensity of the spiritual life in Germany is gradually slowing down due to the creation of the German Empire and the growth of nationalism, in Russia in the second half of the 19th century there is a kind of cultural explosion - the great Russian literature and the original philosophical thought in the image of Russian cosmism appears. The authors conclude that Russian cosmism represented by N. Fedorov, K. Tsiolkovsky, V. Vernadsky and a number of other thinkers and scientists form the project of noosphere as a social unity of society, necessary to transform the blind forces of nature into a reasonable force of humanity. Continuing and deepening the ideas of Russian cosmism, modern supporters of the noosphere concept put forward the main principles of the noosphere concept of social transformation. These principles include the ideas of global social democracy, dialogue of cultures, ecological imperative and struggle against the West as an alliance of countries, which is trying to maintain its hegemony and advantages on a global scale.

Keywords: noosphere, German classical philosophy, Marxism, Russian cosmism, western alliance, global social democracy, dialogue of cultures, ecological imperative, social forces of alterglobalism.

В статье «Историко-философские источники понятия “ноосфера”» [1] мы показали, что идейным источником современных концепций ноосферы была немецкая классическая философия. Идеи исторического развития общества и эволюции природы, которые лежат в основе концепции ноосферы, были впервые обоснованы представителями немецкой классической философии. Более того, развивая идеи своих

предшественников, К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что развитие общества обусловлено взаимодействием общества и природы в процессе трудовой деятельности человека. В этом процессе изменяется и общество, и природа. Кроме того, чем более энерговооруженным становится общество, тем более оно должно учитывать рекреационные возможности природы (биосферы Земли). Иначе развитие челове-

ской цивилизации оставит после себя выжженную пустыню.

Немецкая классическая философия оказала огромное влияние на развитие европейской и мировой философии XIX – начала XX в. Еще большее влияние не только на философию, но и на социально-политическую жизнь Европы и всего мира оказали идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Но, пожалуй, наибольшее, можно даже сказать исключительно важное влияние немецкая классическая философия и марксизм оказали на духовную жизнь России XIX в. Этому влиянию способствовало несколько обстоятельств. Прежде всего идеи немецкой классической философии столкнулись во Франции и Англии как наиболее передовых странах Западной Европы первой половины XIX в. с традициями французского рационализма и британского эмпиризма. Разумеется, в России таких традиций не было. После реформ Петра I русское образованное общество ориентировалось на зарубежные образцы в науке и культуре. Это общество как губка вбирало в себя все достижения европейской культуры. Поэтому немецкая классическая философия как принципиально новое слово философской мысли XIX в. не могла не заинтересовать образованных россиян.

Кроме того, реформы Петра I привлекли в Россию множество иностранцев и прежде всего выходцев из Германии, которые, занимая видные посты в политической и культурной сферах жизни Российской империи, были естественными проводниками влияния немецкой культуры на духовную жизнь российского общества. Даже русскую историю впервые стали научно изучать немецкие историки. Но это посредничество немецких деятелей культуры было лишь внешним фактором влияния немецкой философии на русскую мысль. Если бы эта философия не отвечала духовным запросам русского общества, она бы получила такой же отпор (не всегда справедливый), какой получили немецкие историки, выдвинувшие концепцию нормандского происхождения русского государства, от Михаила Ломоносова.

Вместе с тем эксклюзивное влияние немецкой философии не только на русскую философию, но и на русскую культуру первой половины XIX в., а также радикальное развитие в России идей немецкой философии, начинавшее противоречить самим основам немецкого классического идеализма, были обусловлены и сходством, и принципиальными различиями развития Германии и России в XIX в.

Рассматривая социально-политические и культурные причины возникновения, развития и упадка немецкой философии XIX в., В. Виндельбанд в своей знаменитой работе «Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия» указывал на то, что в конце XVIII – начале XIX в. бедная в материальном отношении жизнь в маленьких немецких княжествах и в большой Пруссии сочеталась с интенсивной духовной жизнью. Более того, поскольку в этих княжествах и абсолютист-

ской Пруссии для образованных людей не было никакой возможности влиять на общественную жизнь, то вся их активность сосредотачивалась на внутренней, духовной жизни [2, с. 8–9]. Это объясняет, с точки зрения В. Виндельбанда, и расцвет в Германии первой половины XIX в. поэзии и философии, и идеалистическую направленность немецкой классической философии [2, с. 19–21].

Особую роль в развитии немецкой философии конца XVIII – начала XIX в. сыграло философское наследие Г. Лейбница [2, с. 14]. Как известно, Лейбниц жестко критиковал как эмпиризм и сенсуализм теории познания Д. Локка, так и попытки Р. Декарта и И. Ньютона свести все законы Вселенной к законам механики. Именно традиции школы Г. Лейбница в Германии XVIII в. во многом позволили И. Канту и другим представителям немецкой классической философии подвести итоги как второй глобальной научной революции, так и социальным революциям конца XVIII – начала XIX в. В результате, как мы уже отмечали, сформировались культурно-историческая парадигма социального знания, дисциплинарно-организованное естествознание и некоторые идеи глобального эволюционизма.

Если сравнить социально-культурное положение образованного класса в николаевской России первой половины XIX в. с таким же положением образованных людей в раздробленной Германии конца XVIII – начала XIX в., то неизбежно выявляется поразительное сходство. Все увеличивающееся число образованных людей в России, лишенное возможности участвовать в общественно-политической жизни, было вытолкнуто в духовную область. Сходство в социально-культурном положении образованных классов в Германии и России породило сходство и в духовных запросах этих классов. Этим и объясняется эксклюзивное влияние немецкой классической философии на русскую мысль XIX в. Если в начале XIX в. огромное влияние на передовых русских мыслителей оказали натурфилософия Шеллинга и философия истории Гегеля, то в 1850–1860-х гг. материалистическая философия Фейербаха являлась идейным источником концепций русских революционных демократов. Начиная с 1880-х гг. огромное влияние не только на социал-демократов, но и на представителей новой христианской мысли (Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка) оказал марксизм [3, с. 24, 44, 79; 4, с. 132–133; 5, с. 132; 6, с. 165–167; 7, с. 32, 591–597].

Но были и принципиально иные условия социальной жизни в Германии и России первой половины XIX в. Германия в лице Пруссии была разбита и поставлена на колени вторжением Наполеона. Под влиянием этого колоссального поражения были начаты фундаментальные реформы внутренней социально-политической жизни немецкого общества, в том числе и отмена крепостного права [8, с. 89–96]. Россия вышла победительницей в войне с Наполеоном, что, по нашему мнению, привело к поражению реформа-

торских настроений верхов Российской империи и к подавлению недовольства низов.

Кроме того унижение, которое испытал немецкий народ в результате оккупации Германии наполеоновской армией, пробудило в образованных кругах Германии националистические настроения, которые, с точки зрения В. Виндельбанда, четко проявляются в работах Г. Гегеля в 1820-х гг. [2, с. 33]. Задача объединения Германии, чтобы противостоять агрессивным планам соседей, становится главной задачей как верхов, так и низов немецкого общества. Этим культурная жизнь Германии принципиально отличалась от культурной жизни России, которая объединяла десятки народов. Представители этих народов участвовали не только в управлении империей, но и в духовной жизни российского общества. Поэтому в культурной жизни российского общества отсутствовали идеи национальной исключительности и превосходства, которые постепенно стали доминировать в немецкой культуре XIX в. Эти идеи приняли форму оголтелого национализма и нацизма в начале XX в.

Во второй половине XIX в. Россия и Германия как бы поменялись местами в международной европейской политике. Россия потерпела поражение в Крымской войне и ушла на вторые роли в этой политике. Германия во главе с Пруссией неудержимо шла к своему объединению и в ходе нескольких войн с главными державами континентальной Европы сумела добиться решающих побед и превратилась в сильнейшую на континенте империю. Эти события, изменившие международное положение Германии и России, весьма сильно отразились и на их внутренних социально-политических отношениях, и на их культурной жизни. Именно в это время происходят социально-политические реформы в России, отменяется крепостное право, происходит расцвет русской классической литературы, и возникает на основе переработки и переосмысления достижений немецкой классической философии и марксизма оригинальное направление русской философии – русский космизм.

Наоборот, в Германии после ее объединения, как отмечает В. Виндельбанд, практические задачи, поставленные этим политическим изменением, а также лихорадочный экономический рост на основе огромной контрибуции, которая была получена от разгромленной Франции, израсходовали всю духовную энергию нации [2, с. 58–59]. Это сказалось на развитии поэзии и философии. Вместо поэзии развивается литературоведение, вместо философии – история философии [2, с. 66]. С точки зрения В. Виндельбанда, в Германии утверждается позитивизм с его презрением к философской теоретической рефлексии [2, с. 79–81].

В целом следует сказать, что в Европе после так называемого века революций (1776–1848) во второй половине XIX в., несмотря на отдельные вспышки революционной активности пролетариата, самой значительной из которых была Парижская коммуна, наступил период стабилизации.

В этот период буржуазия в союзе с дворянством полностью определяла социально-экономическую и культурную жизнь ведущих европейских стран. Позитивизм являлся той философской концепцией, которая оправдывала существующий социальный порядок. Даже рабочее движение, которое ширилось вместе с ростом промышленного производства, наряду с марксизмом усваивало также и идеи позитивизма.

Поэтому в России, в которой всегда были сильны антибуржуазные настроения в философии и литературе (от Н. Чернышевского до К. Леонтьева), позитивизм не стал доминирующей идеологической концепцией, оправдывающей существующий социальный порядок.

Как реакция на бескрылую позитивистскую философию, которая являлась идейным выражением и оправданием буржуазного общества, в европейской философии второй половины XIX – начала XX в. возникают иррационалистические философские концепции (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон, С. Кьеркегор и др.). Они обращаются к жизни отдельного человека в условиях сбалансированного буржуазного общества, задавая этому человеку вопросы о смысле бытия, о смысле исторического процесса и о смысле жизни самого человека. Ответы на эти вопросы представители иррационализма находят вне науки своего времени, обращаясь к традициям метафизики и религиозной веры. Но тем самым они уводят мыслящих людей от постановки конкретных задач по преобразованию социальных отношений и изменению собственной жизни.

В России также определенная часть интеллигенции восприняла иррационалистическую европейскую философию, что сказалось на литературе Серебряного века. Но тем не менее необходимость каких-то радикальных преобразований всей жизни российского общества от экономики до религии была столь насущна, что практически все заметные российские социальные мыслители требовали реального осуществления этих преобразований вплоть до призыва к революции. Таким образом, именно русская философская мысль в лице русского космизма и революционного марксизма, отвергая псевдорационализм позитивизма и антирационализм философии жизни, стала наследницей и продолжила развитие рационалистической диалектики немецкой классической философии и марксизма.

Но если немецкая классическая философия остановилась на возникновении человеческого общества вследствие эволюции природы (натурфилософия Ф. Шеллинга) и последующем прохождении этим обществом длительного исторического развития, которое завершилось европейской техногенной цивилизацией (философия истории Г. Гегеля), то представители русского космизма вслед за К. Марксом делали акцент на будущей эволюции и природы, и общества в результате активной деятельности человека. При этом К. Маркс ограничился идеями преобразований только земной природы (биосферы Земли) и социального устройства общества, а русские

космисты в свою очередь поставили вопрос о преобразовании не только земной природы, но и космоса, а также рассматривали социальные преобразования общества как условие для преобразования природы самого человека и победы над смертью.

Русский космизм – чрезвычайно сложная идейная система, включающая в себя и представителей религиозного возрождения (В. Соловьев, Н. Бердяев, П. Флоренский и др.), и материалистически мыслящих ученых (К. Циолковский, А. Чижевский, В. Вернадский и др.). Но при всех концептуальных различиях их объединяло нечто общее, наиболее четко проявившееся в работах Н. Фёдорова, которого не без основания называют родоначальником русского космизма [9, с. 8].

О характерных чертах идей Н. Ф. Федорова писал Н. А. Бердяев: «Подобно Марксу и Энгельсу, Н. Федоров думает, что философия должна не познавать только мир, но и изменять его, она должна создавать проект спасения мира от зла и страдания, прежде всего от смерти как источника всякого зла. ... Отличает Н. Федорова от коммунизма его христианская вера и сознание долга по отношению к умершим отцам. Но его сближает с коммунизмом крайний активизм, вера во всемогущество техники, проповедь коллективного, общего дела, вражда к капитализму, проективизм, тоталитарность в отношении к жизни, склонность к регуляции и к планам мирового масштаба, отрицание теоретической мысли, умозрения, оторванного от практического дела, признание труда основой жизни. Н. Федоров был своеобразный коммунист на религиозной почве, с элементами неопределенного славянофильства» [3, с. 76, 77]. В самом деле, Н. Ф. Федоров заявляет, что природа, порождающая и в то же время убивающая все живое на Земле, является врагом человека, поскольку человек по природе смертен. О взаимоотношении природы и человека Н. Ф. Федоров отмечает следующее: «Она – сила, пока мы бессильны, пока мы не стали ее волей. Сила эта слепа, пока мы неразумны, пока мы не составляем ее разума. Занятые постоянной враждой и взаимным истреблением, исполняя враждебную нам волю, мы не замечаем этого общего врага и даже преклоняемся пред враждебной нам силой, благосклонность которой так же для нас вредна, как и вражда. Природа нам враг, временный, а друг вечный потому, что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача, задача существ, наделенных чувством и разумом. Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою; в нас она достигает совершенства или такого состояния, достигнув которого она уже ничего разрушать не будет, а все в эпоху слепоты разрушенное восстановит, воскресит. Природа, враг временный, будет другом вечным, когда в руках сынов человеческих она из слепой разрушительной силы обратится в воссозидательную. Задача сынов человеческих – восстановление жизни, а не одно устранение смерти» [10, с. 521]. Другими словами, Н. Ф. Федоров говорит об объеди-

ненном человечестве как разуме природы. Этот разум, управляя космическими силами природы, может победить даже смерть. Таким образом, фактически Н. Ф. Федоров по-своему формулирует концепцию ноосферы.

Как известно, Н. Ф. Федоров повлиял своими идеями на мировоззрение многих русских писателей, философов и ученых второй половины XIX – начала XX в. от Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского до К. Э. Циолковского и А. Л. Чижевского [3, с. 75; 11, с. 5–6]. Тем не менее самым выдающимся мыслителем, работающим в традиции русского космизма и впервые выдвинувшим и обосновавшим само понятие ноосферы, был безусловно В. И. Вернадский.

Издана публикация фрагментов из научных трудов, статей, писем и дневников В. И. Вернадского, отражающих зарождение и развитие идей о переходе биосферы к ноосфере [12]. Из этой публикации видно, каким образом постепенно – от научного доклада в 1882 г. студента В. Вернадского вплоть до последней статьи академика В. И. Вернадского в американском научном журнале, опубликованной уже после его смерти 6 января 1945 года, – развивалась идея ноосферы как качественно нового взаимодействия общества и природы. Первоначально в качестве основной силы, которая сформирует сферу разума на Земле, В. И. Вернадский рассматривал развитие научной мысли. Однако постепенно в результате осознания Вернадским необходимости радикальных социальных изменений для возникновения такого общества, которое можно назвать ноосферой, меняются его представления об этом понятии. Так, в 1938 г., осозная все достижения и противоречия советской власти, В. И. Вернадский пишет: «То понятие ноосферы, которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей в научный социализм... На фоне нового понимания биосферы, перехода ее в ноосферу, создание социалистического государства, охватившего одну шестую [часть] суши, и идеи, лежащие в [его] основе, которые вырабатывались непрерывно в течение нескольких поколений, получают исключительное значение... Мы видим здесь начало перехода к государственному строю сознательного воплощения ноосферы» [цит. по: 13, с. 131]. Вернадский также осознает и связь своей концепции с идеями К. Маркса: «Я мало знаю Маркса, но думаю, что ноосфера всецело будет созвучна его основным выводам. ... Он ясно видел, что мысль человека создает производительную силу» [12, с. 230, 232].

Однако, на наш взгляд, эти идеи намного опередили свое время. Поэтому они в отечественной философской и научной мысли после смерти В. И. Вернадского в 1945 г. оставались вне поля зрения. Этому способствовали те обстоятельства, что, во-первых, насущной задачей после Великой Отечественной войны долгое время оставалась задача восстановления народного хозяйства, во-вторых, в советском философском общественном сознании в 1930-х – начале 1950-х гг. ца-

рил догматизм, основывающийся на весьма узко трактуемых идеях марксизма. Что же касается Запада, то там концепция ноосферы получила чисто религиозную трактовку в работах П. Тейяра де Шардена.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. положение начинает радикально меняться. Как уже отмечалось, исследования отечественных и западных ученых, социальных мыслителей уже в конце 1960-х – начале 1970-х гг. со всей очевидностью показали, что экстенсивное развитие техногенного общества наталкивается на границы, которые ставит перед этим развитием биосфера Земли. Доклад Римского клуба «Пределы роста» прозвучал похоронным звоном для «общества массового потребления». Поэтому с 1970-х гг. начинаются поиски новой парадигмы социального знания, которая открывала бы перспективы для развития общества и была бы основой для нового проекта модерна. Именно в это время публикуются основные работы В. И. Вернадского, а его авторитет в научных кругах неизменно возрастает [14, с. 72].

Особенно интенсивно эти поиски активизировались в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда вследствие крушения «реального социализма» и Советского Союза окончательно дискредитированными в глазах достаточно большой группы населения бывшего СССР оказались идеология марксизма-ленинизма и социальная философия самого марксизма. Именно в эту эпоху концепция ноосферы как разумно устроенного общества, устанавливающего разумные основания для своего природопользования, постепенно становится альтернативой неоллиберальной концепции глобального капитализма.

Подводя общий итог концепциям ноосферы (посттехногенного общества, устойчивого развития и т. д.) в работах отечественных и зарубежных философов и общественных деятелей, можно выделить основные характеристики этого ноосферного общества. Основной характеристикой данного общества, с точки зрения мыслителей, является ее глобальный характер. Поскольку, образно говоря, все человечество находится в одной лодке (Н. Н. Моисеев), то необходимы согласованные усилия всех стран и народов, чтобы эта «лодка» не потонула, а продолжала плыть. Другими словами, глобальные проблемы человечества – угроза ядерной катастрофы, экологический и антропологический кризисы и ряд других проблем – можно решить только с помощью общих усилий всего человечества [15, с. 66; 16, с. 661–664; 17, с. 8].

Но эти усилия наталкиваются на главное противоречие современной эпохи. С одной стороны, реальная экономическая глобализация, рост международной торговли приводят к тому, что эксплуатируются ископаемые богатства всего земного шара, а в материальном производстве в конечном счете участвуют все жители планеты. Мы потребляем такие сельскохозяйственные продукты, которые не могут производиться на наших широтах. С другой стороны, долларизация

экономики, несправедливость так называемого международного (капиталистического) разделения труда ведет к тому, что на долю одних стран выпадает добыча сырьевых ресурсов, требующих прежде всего физического труда, а на долю других – создание высокотехнологической продукции. При этом стоимость этой продукции искусственно завышается по сравнению с сырьевыми ресурсами. Таким образом, главное противоречие капитализма – между общественным характером производства и частной формой присвоения, – открытое еще К. Марксом, приобретает поистине глобальный характер. Богатствами всего мира пользуется все уменьшающаяся часть человечества. При этом в условиях экономического кризиса углубляются противоречия и в развитых капиталистических странах, в которых уменьшается и беднеет так называемый средний класс, за счет которого увеличивает свое богатство финансовая элита, и углубляется пропасть между развивающимися и развитыми странами. Богатые становятся богаче, а бедные – беднее. Сторонники концепции ноосферы прямо указывают на главного виновника современных глобальных проблем – капиталистическую социально-экономическую систему, порождающую неравенство между Севером и Югом, Западом и Востоком, богатыми и бедными, развитыми и развивающимися, а следовательно, разделяющую человечество в ситуации нарастания экологических и антропологических проблем и создающую возможность ядерной катастрофы [18, с. 21–30; 19, с. 26; 17, с. 6].

Практически все сторонники концепции ноосферы считают, что в экономической сфере принципы максимальной экономической эффективности и производительности, господствующие в современной экономике, должны быть заменены экологическим императивом, который подразумевает сохранение приемлемых биосферных условий жизни для последующих поколений жителей Земли [15, с. 47–49; 16, с. 671–677; 17, с. 80]. Точно также, как на ранних этапах развития первые человеческие сообщества смогли выжить только благодаря тому, что взяли под контроль сообщества биологические инстинкты индивида – в первую очередь инстинкты самосохранения и продолжения рода, т. е. подавив зоологический индивидуализм, – так и на современном этапе человечество сможет выжить, лишь подавив социальный эгоизм отдельных регионов (и прежде всего Запада) стран, классов, других социальных групп и самого человеческого индивида.

Поскольку современное человечество состоит из многочисленных расовых и этнических групп, обладающих своей культурой, религией и другими отличительными особенностями, важную роль в концепции ноосферы играет диалог культур [15, с. 229; 16, с. 680, 682–683; 17, с. 84]. Этот диалог, наряду с ограничениями социального эгоизма, должен установить некоторые нормы поведения и деятельности, которые могли бы предотвратить многочисленные, к сожалению,

столкновения на основе расовых, этнических и культурных различий. В связи с этим представители концепций ноосферного развития общества придают огромное значение проблеме образования, разновидностям школы диалога культур [15, с. 53, 280; 20, с. 372–373; 17, с. 47]. Образование должно воспитать ответственную за свои поведение и деятельность личность, которая руководствовалась бы принципами экологического императива, идеей общности судьбы всего человечества и легко находила бы общий язык с представителями иных рас, этнических групп, религий и культур.

Итак, логика современной эпохи требует объединения человечества перед угрозой различного рода катастроф, которые могут привести к быстрой гибели человечества через ядерную войну или к медленной деградации в условиях глобальных экологических и антропологических кризисов. Однако для этого объединения требуется хотя бы смягчение, уменьшение того вопиющего социально-экономического неравенства в мире, которое существует между развитыми и развивающимися странами, а также между финансово-промышленной олигархией и остальным населением как в развитых, так и развивающихся странах. Тем не менее эта логика наталкивается на новые противоречия современного техногенного общества. С одной стороны, глобализация экономического развития, а также углубление экологических, социальных и антропологических проблем человечества требуют постепенной ликвидации социально-экономического неравенства в международном масштабе и масштабе отдельных стран, с другой стороны, наблюдается стремление современного Запада сохранить любыми способами свои экономические привилегии и мировое господство под эгидой военно-политического могущества США.

С одной стороны, информационная революция и стремительная глобализация всех сторон социальной жизни человека способствуют осознанию населением земного шара своего культурного и социального единства, а также общности своих интересов, направленных на утверждение социального равенства. С другой стороны, информационный тоталитаризм США в виде мировых информационных корпораций (Google, Microsoft, Facebook и др.) ведет к запрету левых, прогрессивных информационных агентств, выступающих против социально-политического и идейного диктата США. Через мировые информационные корпорации ведется насаждение продуктов распада деградирующей духовности Запада в виде так называемой «массовой культуры» и технократических утопий в качестве образца культурного развития для всех народов земного шара. Ведется пропаганда культов индивидуализма и эгоизма, потребительства и бездумных развлечений.

При этом не только крупные капиталисты, менеджеры транснациональных корпораций и правительственные чиновники являются антагонистами идей глобальной социальной демократии.

Буржуазная пропаганда через СМИ, школьное и вузовское образование стран Запада, формируя, с одной стороны, индивидуализм, а с другой – ложный коллективизм в образе национализма, европеизма и «западнизма», которые можно назвать разновидностями социального эгоизма, вербует своих сторонников среди широких социальных слоев западных стран. Представителей этих слоев соблазняют потребительской идеологией, подкупают высокими зарплатами, эмиссией доллара и евро, которые ложатся тяжелым бременем на незападные страны. В свою очередь, союзниками высших слоев стран Запада становятся верхние социальные группы зависимых от Запада стран, своеобразная «пятая колонна», которая превращает свои страны в сырьевые придатки и в политических вассалов стран Запада. При этом любая попытка вырваться из вассальной зависимости от стран Запада во главе с США неизменно подавляется или путем переворотов, осуществляющихся «пятой колонной» (например, Чили, Никарагуа и т. д.), или путем жесткой интервенции (Югославия, Ирак, Афганистан и т. д.). Ситуация в Украине как раз и является примером попытки такого подавления, где наличествует политический переворот и скрытая интервенция в отношении России.

Вместе с тем эти же противоречия формируют и сплачивают силы, которые выступают против существующего мирового порядка. Так, против социального неравенства выступают выдающиеся интеллектуалы Запада, России и Востока, которые понимают глобальную опасность растущего неравенства для самого существования человечества на Земле. К ним относятся и сторонники концепции ноосферы (Н. Н. Моисеев, В. С. Степин, А. И. Субетто и др.), и теоретики левого движения на Западе и Востоке (Г. Маркузе, И. Валлерстайн, Н. Хомский, С. Амин и др.), а также их идейные сторонники среди интеллигенции Запада [15, с. 28; 21, с. 252–254; 17, с. 26–28; 22, с. 296; 23, с. 105–120; 24; 25, с. 125–128]. Вместе с тем против этого порядка выступает подавляющее большинство жителей незападных стран, в первую очередь страдающих от социального неравенства и политического господства Запада. К сторонникам нового мироустройства принадлежат и низшие социальные слои Запада (иммигранты, рабочий класс, низшие слои интеллигенции), которые ощущают постоянное ухудшение своего социального и материального положения. Против существующего диктата Запада во главе с США выступают также определенные группы высших классов незападных стран, которые видят свое маргинальное положение по сравнению с западными высшими классами. Даже порой представители западных высших слоев, обеспокоенные возможной ядерной катастрофой, призывают к благоразумию сторонников безусловного господства Запада в современном мире. Итак, в современном мире идет то явная, то скрытая борьба между теми, кто выступает за консервацию социального неравенства и военно-политического господства Запада

во главе с США, и теми, кто выступает против существующего мирового порядка.

Таким образом, можно сформулировать несколько принципов, которые отличают проект ноосферного общества от существующего техногенного. Во-первых, принцип глобальной социальной демократии. Глобальная социальная демократия рассматривается и как равенство всех народов в получении материальных и духовных благ для своего развития, так и равенство возможностей для каждого человека, где бы он ни появился на свет, в развитии всех своих задатков и способностей. Свобода развития каждого человека является условием развития всего человечества. Глобальная социальная демократия предусматривает всестороннюю помощь слаборазвитым в экономическом отношении странам с целью достижения ими уровня материального благополучия и духовного развития, сравнимого с наиболее развитыми странами мира. Примером такой помощи является история развития Советского Союза.

Во-вторых, принцип диалога культур. Диалог культур между всеми народами мира, которые придерживаются разных религиозных верований, культурных норм и традиций, необходим для выработки подлинно общечеловеческих ценностей, предотвращающих враждебное отношение между народами и отдельными индивидами.

В-третьих, экологический императив. Экологический императив рассматривает как приоритетную задачу сохранение для будущих поколений земель приемлемых социальных и экологических условий для их существования и развития.

В-четвертых, критика «Запада» как международного альянса государств во главе с США, старающихся во всем мире сохранить существующие социальное неравенство и эксплуатацию, на которых базируются социально-экономические преимущества стран, входящих в этот альянс. Эта критика предусматривает борьбу против информационного тоталитаризма и культурного империализма.

События последних лет, начиная с пандемии коронавируса и завершая российско-украинской войной, свидетельствуют о крахе глобализации в рамках техногенного капитализма, поскольку современный Запад во главе с США не готов отказаться от своего глобального доминирования, хотя и утратил свое экономическое лидерство. Поэтому концепции ноосферы приобретают все более антикапиталистический характер, в котором отчетливо проявляются гуманистические тенденции раннего марксизма, собственно, и заложившего, как мы отмечали, основания для концепции ноосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов, А. В. Историко-философские источники понятия «ноосфера» / А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов // Весті БДПУ. Сер. 2. Гісторія. Філософія. Палітологія. Соціологія. Еканоміка. Культуралогія. – 2022. – № 4. – С. 107–114.
2. Виндельбанд, В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия : Пер. с нем. / В. Виндельбанд. – М. : Наука, 1993. – 105 с.
3. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
4. Зеньковский, В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Ленинград : Эго и др., 1991. – Т. 1, ч. 1. – 221 с.
5. Зеньковский, В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Ленинград : Эго и др., 1991. – Т. 1, ч. 2. – 280 с.
6. История философии в СССР : в 5 т. / В. Е. Евграфов, З. В. Смирнова, И. Я. Щипанов и др. – М. : Наука, 1968. – Т. 2. – 601 с.
7. История философии в СССР : в 5 т. / В. Е. Евграфов, И. Я. Щипанов, А. Н. Маслин и др. – М. : Наука, 1968. – Т. 3. – 672 с.
8. Мотрошилова, Н. В. Социально-исторические корни немецкой классической философии / Н. В. Мотрошилова. – М. : Наука, 1990. – 208 с.
9. Семенова, С. Г. Русский космизм / С. Г. Семенова // Русский космизм : Антология философской мысли. – М. : Педагогика-Пресс, 1993. – С. 3–33.
10. Федоров, Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров ; общ. ред. : А. В. Гулыга; вступ. статья, примеч. и сост. С. Г. Семеновой. – М. : Мысль, 1982. – 711 с.
11. Семенова, С. Г. Н. Ф. Федоров и его философское наследие / С. Г. Семенова // Федоров, Н. Ф. Сочинения. – М. : Мысль, 1982. – С. 5–50.

REFERENCES

1. Kuznecov, A. V. Istoriko-filosofskie istochniki ponyatiya «noosfera» / A. V. Kuznecov, V. V. Kuznecov // Vesci BDP. Ser. 2. Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Sacyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya. – 2022. – № 4. – С. 107–114.
2. Vindel'band, V. Filasofiya v nemeckoj duhovnoj zhizni XIX stoletiya : Per. s nem. / V. Vindel'band. – M. : Nauka, 1993. – 105 s.
3. Berdyayev, N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma / N. A. Berdyayev. – M. : Nauka, 1990. – 224 s.
4. Zen'kovskij, V. V. Istoriya russkoj filosofii : v 2 t. / V. V. Zen'kovskij. – Leningrad : Ego i dr., 1991. – T. 1, ch. 1. – 221 s.
5. Zen'kovskij, V. V. Istoriya russkoj filosofii : v 2 t. / V. V. Zen'kovskij. – Leningrad : Ego i dr., 1991. – T. 1, ch. 2. – 280 s.
6. Istoriya filosofii v SSSR : v 5 t. / V. E. Evgrafov, Z. V. Smirnova, I. Ya. Shchivanov i dr. – M. : Nauka, 1968. – T. 2. – 601 s.
7. Istoriya filosofii v SSSR : v 5 t. / V. E. Evgrafov, I. Ya. Shchivanov, A. N. Maslin i dr. – M. : Nauka, 1968. – T. 3. – 672 s.
8. Motroshilova, N. V. Social'no-istoricheskie korni nemeckoj klassicheskoj filosofii / N. V. Motroshilova. – M. : Nauka, 1990. – 208 s.
9. Semenova, S. G. Russkij kosmizm / S. G. Semenova // Russkij kosmizm : Antologiya filosofskoj mysli. – M. : Pedagogika-Press, 1993. – S. 3–33.
10. Fedorov, N. F. Sochineniya / N. F. Fedorov ; obshch. red. : A. V. Gulyga; vstup. stat'ya, primech. i sost. S. G. Semenovoj. – M. : Mysl', 1982. – 711 s.
11. Semenova, S. G. N. F. Fedorov i ego filosofskoe nasledie / S. G. Semenova // Fedorov, N. F. Sochineniya. – M. : Mysl', 1982. – S. 5–50.

12. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
13. Мочалов, И. И. Проблемы космизации науки в творчестве В. И. Вернадского / И. И. Мочалов // Вопросы философии. – 1968. – № 1. – С. 123–133.
14. Назаретян, А. П. Универсальная (Большая) история – учебный курс и поле междисциплинарного сотрудничества / А. П. Назаретян // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 70–80.
15. Моисеев, Н. Н. Быть или не быть... человечеству? / Н. Н. Моисеев. – М. : Ульяновский Дом печати, 1999. – 288 с.
16. Степин, В. С. Теоретическое знание : структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
17. Субетто, А. И. Манифест ноосферного социализма / А. И. Субетто. – СПб. : Астерион, – Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 108 с.
18. Моисеев, Н. Н. Экологическое мировоззрение / Н. Н. Моисеев // Философия экологического образования. – М. : Прогресс-традиция, 2001. – 416 с.
19. Гражданское общество, правовое государство и право (Круглый стол журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. – 2002. – № 1. – С. 3–51.
20. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с.
21. Степин, В. С. Философская антропология и философия культуры / В. С. Степин. – М. : Академический проект, 2020. – 542 с.
22. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : «REFL-book», 1994. – 368 с.
23. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 368 с.
24. Хомский, Н. Гегемония или борьба за выживание : стремление США к мировому господству / Н. Хомский ; пер. с англ. Илья Харламов. – М. : Столица-принт, 2007. – 464 с.
25. Амин, С. Вирус либерализма : перманентная война и американизация мира / С. Амин ; пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. – М. : Издательство «Европа», 2007. – 168 с.
12. Vernadskij, V. I. Biosfera i noosfera / V. I. Vernadskij. – M. : Nauka, 1989. – 261 s.
13. Mochalov, I. I. Problemy kosmizacii nauki v tvorcestve V. I. Vernadskogo / I. I. Mochalov // Voprosy filosofii. – 1968. – № 1. – S. 123–133.
14. Nazaretyan, A. P. Universal'naya (Bol'shaya) istoriya – uchebnij kurs i pole mezhdisciplinarnogo sotrudnichestva / A. P. Nazaretyan // Voprosy filosofii. – 2004. – № 4. – S. 70–80.
15. Moiseev, N. N. Byt' ili ne byt'... chelovechestvu? / N. N. Moiseev. – M. : Ul'yanovskij Dom pečati, 1999. – 288 s.
16. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie : struktura, istoricheskaya evolyuciya / V. S. Stypin. – M. : Progress-Tradicija, 2000. – 744 s.
17. Subetto, A. I. Manifest noosfernogo socializma / A. I. Subetto. – SPb. : Asterion, – lzd-vo KGU im. N. A. Nekrasova, 2011. – 108 s.
18. Moiseev, N. N. Ekologicheskoe mirovozzrenie / N. N. Moiseev // Filosofija ekologicheskogo obrazovaniya. – M. : Progress-tradicija, 2001. – 416 s.
19. Grazhdanskoe obshchestvo, pravovoe gosudarstvo i pravo (Kruglyj stol zhurnalov «Gosudarstvo i pravo» i «Voprosy filosofii») // Voprosy filosofii. – 2002. – № 1. – S. 3–51.
20. Stepin, V. S. Civilizacija i kul'tura / V. S. Stepin. – SPb. : SPbGUP, 2011. – 408 s.
21. Stepin, V. S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury / V. S. Stepin. – M. : Akademicheskij proekt, 2020. – 542 s.
22. Markuze, G. Odnomernyj chelovek / G. Markuze. – M. : «REFL-book», 1994. – 368 s.
23. Vallerstajn, I. Konec znakovogo mira : Sociologiya XXI veka / I. Vallerstajn ; per s angl. pod red. V. L. Inozemceva. – M. : Logos, 2003. – 368 s.
24. Homskij, N. Gegemoniya ili bor'ba za vyzhivanie : stremlenie SShA k mirovomu gospodstvu / N. Homskij ; per. s angl. Il'ya Harlamov. – M. : Stolica-print, 2007. – 464 s.
25. Amin, S. Virus liberalizma : permanentnaya vojna i amerikanizacija mira / S. Amin ; per. s angl. Sh. Nagiba, S. Kastal'skogo. – M. : Izdatel'stvo «Evropa», 2007. – 168 s.